

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА ЛИЦЕЙСКОЙ ЭПОХИ.

В одном старом сборнике лицейских стихотворений Пушкина и его товарищей, хранящемся в собрании Пушкинского Дома, среди множества «национальных песен», юмористических стихов из «Лицейского Мудреца», мадригалов, эпиграмм и прочих «антологических» пьес (как их называли тогда), — есть одно восьмистишие, обращающее на себя внимание. Замечательно самое его начертание: оно написано с большими пропусками, замененными чертами, словно «цензор Аполлон», подписавший в том же сборнике известную пародию Дельвига на Кошанского, вычеркнул непозволительные слова. Стихотворение написано так:

Д в у м ъ А . П .

— овъ и Зерновъ лихой,
Вы сходны межъ собою:
Зерновъ! хромаешь ты ногой,
— овъ головою.

Но что, найду-ль довольно силъ
Сравненье кончать шпидомъ?
Тоть въ кухнѣ носъ переломилъ,
А тотъ —

Нетрудно расшифровать эту осторожную, но очень прозрачную запись. Известно, что Зернов, один из низших лицейских наставников, звался Александром Павловичем. Отсюда читается фамилия на «ов» другого Александра Павловича, с кем сравнивается первый;

последний стих с его рифмой «лицом» не оставляет никаких сомнений, и все стихотворение принимает такой вид:

Двумъ Александрѣмъ Павловичамъ.

Романовъ и Зерновъ лихой,
Вы сходны межъ собою:
Зерновъ! хромаешь ты ногой,
Романовъ головою.

Но что, найду-ль довольно силъ
Сравненье кончить шпигомъ?
Тотъ въ кухнѣ носъ переломилъ,
А тотъ — подъ Австерлицомъ ¹⁾.

Итак, перед нами эпиграмма на Александра Первого — единственная в своем роде среди лицейских стихотворений политическая эпиграмма, и притом злая и резкая.

Лицейская ли она?—Неизвестный составитель сборника, собирая почти всю существующую легкую поэзию лицейских стихотворцев, мог (если он это делал после окончания курса) включить в него стихотворение, вышедшее из того же круга, но сочиненное гораздо позднее. Осторожность могла заставить отнести заведомо-новое произведение к годам юности, поместить среди невинных школьных шуток и тем уменьшить виновность, если бы эпиграмма дошла до властей и о ней возникло какое-нибудь дело. Известно, что к такому приему прибегали не раз. Так, в показаниях по делу о «Гаврилиаде» в 1828 году, Пушкин отрекся даже от своего авторства и заявил, что получил ее еще во время пребывания в Лицее от одного из гусарских офицеров; а мы знаем, что поэма написана в Кишиневе в 1821—1822 годах — вероятнее, в 1821-м. Точно так же «Вольность», отнесенная собственноручной пометой автора к 1817 году, написана,

¹⁾ Принимаем начертание «Австерлицом», через «в», а не через «у», так, как обычно писалось в ту эпоху. Ср., напр., у Пушкина в эпиграмме 1823 г. на Александра I: «Под Австерлицем он бежал»... или в стихотворении 1821 года «Наполеон»:

Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

по очень правдоподобному утверждению П. О. Морозова, в 1819 году ¹⁾. Но по отношению к нашей эпиграмме такое предположение невероятно.

Нет возможности вполне точно определить время составления сборника, содержащего эпиграмму. Ни его составитель, ни владельцы в течение целого столетия нам неизвестны. Писарский, ровный и безличный почерк не дает указаний, так же как и плотная альбомная бумага. Не замечается характерных особенностей и в орфографии. Можно только сказать, что написан он не ранее конца 1820-х, может быть, в начале 1830-х годов. Но сборник—хорошая копия с нескольких других, более ранних сборников («Лицейская Антология, собранная ийшей», «Жертва Мому» и др.) и с лицейских журналов; оригиналы его восходят несомненно к последним годам лицейского курса, на что указывают ранние редакции некоторых стихотворений, позднейшие тексты которых известны в печати и по другим рукописям.

Но более всего лицейское происхождение эпиграммы доказывается тем, что она говорит о Зернове, построена на сравнении с ним Александра Первого.

Александр Павлович Зернов, по сведениям «Памятной книжки чинов И. Александровского, бывш. Царскосельского Лицея», А. Н. Рубца ²⁾— «губернский секретарь, помощник гувернера с 1811 по 1813 год». Более подробных сведений о нем здесь нет, и самая должность помощника гувернера существовала недолго: после Зернова ее занимал Селецкий-Дзюрдзь «канцелярист, с 1813 по 1814 год», и далее такого звания уже не встречается. Так же кратко, но зато очень красочно и, по своему обыкновению, очень резко, характеризует обоих этих лиц гр. М. А. Корф ³⁾: «Зернов и Селецкий-Дзюрдзь, которые, с титулом помощников гувернеров, стояли почти вровень

¹⁾ См. Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 510—512. Ср., однако, мнение В. Е. Якушкина, в Академическом издании (т. II, стр. 489—496), относящее оду к 1817 году, согласно пометке Пушкина на рукописи.

²⁾ А. Н. Рубец. Наставникам, хранившим юность нашу. Памятная книжка чинов И. Александровского, б. Царскосельского Лицея, 1811—1911. СПб. 1911, стр. 49 и 84.

³⁾ Е. Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-ое изд. СПб. 1899. Записка гр. М. А. Корфа, стр. 243.

с дядьками, были подлые и гнусные глупцы, с такими ужасными рожами и манерами, что никакой порядочный трактирщик не взял бы их себе в половые»... И наконец, одна из самых известных национальных песен, сложенных в честь ненавистного «австрийца» — Гауэншильда, исполнявшего должность директора Лицея по смерти Малиновского, начинающаяся словами, подражающими «Певцу в стане русских воинов», — «В Лицейской зале тишина»... перечисляет некоторых наставников Лицея, в числе которых упоминается

Зерновъ съ преломленнымъ носомъ,
Съ бородкою небритой...

Вот все, что мы знаем о нем ¹⁾. Но и этого достаточно, чтобы сказать, что такой незначительный человек мог послужить материалом для эпиграммы только лицеистам, знавшим его близко, и только во время пребывания их в Лицее. Никакой поэт, посторонний Лицею, не мог бы обратить на него внимания, а поэту-лицеисту, после окончания Лицея, не пришлось бы в голову вставлять в эпиграмму, назначенную для распространения в обществе, фигуру, непонятную для всякого, кто не знал близко Лицея, и тем нарушить основное требование эпиграммы — чтобы она в себе содержала весь свой смысл, без особых комментариев. Эпиграмма имела смысл и значение только для кружка своих, «лицейских», и ему была предназначена. Но при этом можно утверждать, что, если верна дата ухода Зернова из Лицея, которую дает А. Н. Рубец — 1813-й год — то составление эпиграммы не может относиться к этому времени; тогда только что Отечественная война закончилась изгнанием Наполеона, Александр во главе армии шел к Парижу; во всем обществе, тем более среди патристически настроенной лицейской молодежи, имя его было окружено ореолом недавних побед и возбуждало великие ожидания. Ни о каких эпиграммах тогда не могло быть речи, да 14-ти-летние лицейские поэты вряд ли бы справились с такой темой. Вероятнее думать, что Зернов оставался в Лицее несколько позже; на это указывает та же

¹⁾ Кроме того, Зернов упоминается в одной лицейской рукописи в числе тех 200 ролей или «номеров», которые изображал лицейский «паяс» М. Л. Яковлев. Но список не дает никаких комментариев, а лишь перечисление. См. *К. Я. Грот, Пушкинский Лицей*. СПб. 1911, стр. 80.

песня — «В лицейской зале тишина», — делающая его современником Гауэншильда в эпоху директорства последнего. А Гауэншильд исполнял обязанности директора с сентября 1814 года (после смерти Малиновского) по январь 1816-го, когда его сменил, на короткое время, Фролов. Итак, эпиграмма могла быть написана еще во время пребывания Зернова в Лицее (около 1814—1815 г.г.), или, что менее вероятно, уже позднее, по памяти о нем, а побудительными причинами могло служить, прежде всего, его имя, тождественное с именем императора, а затем — его безобразная внешность, ядовито сравниваемая с внутренним обликом внешне такого красивого Александра.

Сама по себе, взятая вне обстановки Лицея, наша эпиграмма, конечно, не представляет собою ничего особенно выдающегося. До нас дошло немало произведений такого рода, в большинстве связанных, без больших оснований, с именем Пушкина, а частью — анонимных ¹⁾. Еще несравненно больше утрачено бесследно или рассеяно по рукописным сборникам того времени; но и по тому, что сохранилось, и по свидетельствам современников можно составить себе понятие о степени распространенности политических эпиграмм и сатир. Вдумчивый и тонкий наблюдатель, Н. И. Тургенев, вернувшийся в Россию из заграницы в 1816 году, пораженный духовным ростом и «нравственным и политическим пробуждением петербургской молодежи, особенно гвардейских офицеров», так характеризует это движение ²⁾:

«В странах, подчиненных деспотизму, общественное мнение проявляется также с помощью рукописной литературы, вроде той, которая обращалась во Франции, перед 1789 г., в форме сатирических стихов и песен. Эта литература, распространявшаяся контрабандой, указывала на направление и настроение умов в России. Тогда появилось довольно много произведений этого рода, замечательных как по силе сатиры, так и по высоте поэтического

¹⁾ Особенно много их в сборнике «Русская потаенная литература XIX века», изд. Н. П. Огаревым, Лейпциг, 1861. В других подобных сборниках эпиграмма почти не встречается.

²⁾ «Россия и русские», *Николая Тургенева*. Томъ I. Воспоминания изгнанника, пер. Н. И. Соболевского под ред. А. А. Кизеветтера. М. 1915. Стр. 60. См. также статьи в сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, том I. П. О. Морозова «От Лицея до ссылки», стр. 485—502, и *Алексея Н. Веселовского* «Период Зеленой Лампы», стр. 542—558, хотя обе они имеют в виду более поздние годы, преимущественно 1818—1820.

вдохновения. Маленькие шедевры, дотоле небывалые, показывали, что дни, когда они расцвели, были эпохой оживления, надежд и, надо прибавить, здравого смысла и глубокой мысли».

Ясны отсюда и сущность этой политической поэзии, и ее источник — французская предреволюционная литература. Форма ее — эпиграмма — была тем более привычна, что в эпиграмматическом роде упражнялись тогда все, и самые крупные поэты, а за ними — все образованное общество, в котором умение сложить несколько стихов, острых, грациозных или элегических, смотря по случаю, считалось обязательным. Стоило подставить в знакомую форму новое, политическое содержание — и общественная сатира распространялась, получала иной раз имя одного из больших поэтов, как неповинного в ней автора, и с ним попадала, наконец, в печатные сборники. Итак, наша эпиграмма — вообще не исключение, а только — одно из многих произведений в этом роде и не хуже и не лучше многих других, если их брать независимо от времени и места; она написана хорошо, в кратких, точных и резких выражениях, рифмы второй строфы довольно находчивы, и самое напоминание о «переломленном под Австерлицом носе» смело и едко — в то время, когда только что кончился поход «российского полубога» через всю Европу; но ей не хватает тонкости, и острота основана на слишком внешних и грубых признаках, что сближает ее с окружающим фоном — с бесчисленными школьными эпиграммами на Кюхельбекера, на учителей, неудачных поэтов и т. д., наполняющими Лицейский сборник, в котором она помещена.

Но именно в этом фоне ее значение. Выделяясь на нем своею темою резким пятном, она указывает нам на раннее проникновение в Лицей идей политического вольномыслия и политической сатиры. Она является совершенно исключительной среди лицейской «антологической» поэзии и притом, как кажется, самой первой по времени из известных нам эпиграмм на Александра I.

Впрочем, нужно оговориться. Некоторый политический намек можно видеть и в другом стихотворении, помещенном в «Лицейском Мудреде» конца 1814 года и перепечатанном в книге К. Я. Грота «Пушкинский Лицей»¹⁾. К. Я. Грот не обратил внимания на его

¹⁾ К. Я. Грот. Пушкинский Лицей. Бумаги I курса, собранные Я. К. Гротом. СПб. 1911, стр. 315. «Лицейский Мудрец» за 1814 год исчез, но его

сатирический смысл. И, действительно, стихотворение так слабо, так по-детски неуклюже, что сначала схватывается только немудрая игра слов, основанная на выражении «без царя в голове», а политический намек ускользает. Приведем все стихотворение целиком:

АРИСТЪ И ГЛУПОНЪ.

(Идиллія.)

Гдѣ Царь? Гдѣ Царь?
Ахъ когда его сыщу! ¹⁾

АРИСТЪ. О чемъ грустишь, Глупонъ, что сдѣлалось съ тобой?
 Почто въ неистойвой досадѣ,
Ты чешешь голову замаранной рукой?
Скажи, почто горѣ возносишь носъ кривой,
И бѣсишься какъ будто въ адѣ.

ГЛУПОНЪ. — Се жертва моему Царю.
Увы! отъ самаго рожденья
Я въ головѣ его не зрю!
И видно мнѣ до погребенья
Его въ столицѣ не имѣть!
Такъ какъ же, какъ же не скорбѣть?
Пятнадцать лѣтъ живу на свѣтѣ;
Уже тому пятнадцать лѣтъ,
Какъ онъ, въ серебрянной каретѣ
Пустился погулять на свѣтѣ,
Съ тѣхъ поръ все нѣтъ его, какъ нѣтъ!

АРИСТЪ. Утѣшься, о Глупонъ! гуляющій твой Царь
Изъ всѣхъ земныхъ владыкъ мудрѣйшій Государь.
 Въ конгрессѣ нынѣ онъ трудится
 (За краснымъ спитъ сукномъ),
 Но долго, долго онъ домой не возвратится;
 Скорѣе совратится
 Съ пути небесная луна
 Или въ Сенатѣ появится
 Прокофьева жена!

стихотворная часть сохранилась в сборнике «Мудрец-поэт»; отсюда взял К. Я. Грот и это стихотворение, которое входит и в наш сборник лидейской поэзии, где помещена эниграмма.

¹⁾ Эпиграфъ взят из одной национальной песни (См. К. Я. Грот. стр. 219): «Прокофій», упоминаемый в последнем стихе — один из дядек Лицея.

Ответ Ариста, несомненно, сближает царя, покинувшего голову Глугона, с царем, покинувшим свое царство, т.-е. Александром, разъезжающим по Европе и «трудящимся» в конгрессе — причем к последнему «труду» поэт относится крайне иронически. А мы знаем, что постоянные путешествия Александра по всем европейским странам и непрерывные конгрессы, созываемые сначала для устройства взволнованной Европы, потом — для укрепления Священного Союза, служили и впоследствии темой для эпитграмм. Вспомним хотя бы ряд стихотворений, приписываемых Пушкину: «Noël» 1818 года, начинающийся тем, что

... въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ...

или известную эпитграмму 1823—24 года, где говорится об Александре:

... Теперь коллежскій онъ ассесоръ
По части иностранныхъ дѣлъ,

и наконецъ краткую эпитафию скончавшемуся царю:

Всю жизнь провелъ въ дорогѣ,
И умеръ въ Таганрогѣ.

Школьное стихотворение отражало, как видно, долетевшие до Лицея резкие отзывы об Александре. И это тем более замечательно, что его можно точно датировать концом 1814 года, когда вышел № «Лицейского Мудреца», в котором оно было помещено, т.-е. очень ранним временем, вероятно, еще более ранним, чем эпитграмма о «двух А. П.».

Кто же является автором нашей эпитграммы? «Собрание лицейских стихотворений», в котором она записана, все анонимно. В его создании участвовало несколько авторов: Пушкин, Илличевский, Дельвиг, вероятно, Корсаков и Яковлев. Из них Илличевский — пресловутый «сѣйшій» — собирал «Лицейскую Антологию», а Яковлев был одним из деятельных редакторов «Лицейского Мудреца» и неудачным автором басен. Возможно, что еще и другие лицеисты упражнялись в стихотворстве «в антологическом роде», но ничего из их опытов не сохранилось. Кюхельбекера можно, конечно,

исключить из числа эпиграмматистов. От природы тяжелодумный и серьезный, поклонник и подражатель античной поэзии, автор гимнов и знаток немецких классических поэтов XVIII века — он никогда не спускался до эпиграммы, а его романтическая революционность, приведшая его впоследствии в тайное общество, тогда еще ничем не сказывалась. Эпиграммы писались на него во множестве, но сам он в них не был повинен.

Что же касается до других, перечисленных выше поэтов, то из них имя Пушкина подсказывается прежде всего, и, кажется, естественно приписать ему создание эпиграммы. Ведь, по всем имеющимся свидетельствам товарищей и современников, Пушкину принадлежит первое место среди лицейских эпиграмматистов: большинство эпиграмм в разных лицейских сборниках и журналах написано им, хотя нет возможности доказать это в каждом отдельном случае; а в годы, следующие за окончанием Лицея, в период его участия в кружке «Зеленой Лампы» и в «Арзамасе» он был одним из главных творцов подпольной сатирической литературы и автором эпиграмм на Александра I. На это указывают современники, да и сам он в одном из позднейших писем к Жуковскому, признает, что «подсвистывал ему (Александру I) до самого гроба» — понимая под «подсвистыванием», конечно, свои политические эпиграммы. Он же в Лицее был ближе всех своих товарищей к кругу гусарских офицеров, был постоянным участником их бесед и веселья; а в то время по словам уже цитированных воспоминаний Н. И. Тургенева «особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте, или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений». И, конечно, именно от лейб-гусар могли прежде всего узнать лицеисты ходившие тогда по рукам политические сатиры, именно от них могли воспринять свободомысленный дух; а самые выдающиеся из гусарских офицеров — такие, как Чаадаев или Каверин, — были ближайшими друзьями Пушкина и его наставниками в политических воззрениях.

Тем не менее, нельзя доказать с какою-нибудь достоверностью, чтобы лицейская эпиграмма принадлежала Пушкину. Прежде всего, не он один в Лицее был известен, как эпиграмматист. Илличевский

соперничал с ним в этом роде поэзии и в ранние годы считался товарищами лучшим лицейским поэтом, наравне с Пушкиным; действительно, многие его эпиграммы, известные из сборников, не уступают эпиграммам Пушкина того времени. Далее, не один Пушкин был близок к гусарским офицерам: между полком и Лицеем была постоянная связь; из писем Илличевского к своему приятелю Фуссу мы знаем, что у него было среди гусар немало знакомых¹⁾; гусарские юнкера постоянно бывали в Лицее, что вызвало даже приказ начальства — не пускать их к лицеистам — нашедший себе отражение в одной из национальных песен. Да и не через одних лейб-гусар могли доходить до Лицея образцы вольной политической сатиры.

Правда, среди дошедших до нас стихотворений Илличевского нет ни одного сколько-нибудь серьезного характера. Вся его поэзия, довольно изящная — вернее, умелая по форме, — по существу очень бессодержательна, и не подымается выше альбомных экспромптов, мадригалов, надписей и легкого остроумия. Но стихотворения Илличевского нам известны постольку, поскольку он сам собрал их в «Опытах в антологическом роде» или их напечатал его товарищ М. Л. Яковлев в «Опыте русской анеологии»; лишь очень немногие приведены в позднейших воспоминаниях и статьях, а большое число, вероятно, не дошло до нас. Естественно, что среди последних могли очутиться и политические его эпиграммы, тем более, что такого рода стихи ходили по рукам анонимно и часто приписывались более крупным поэтам, особенно Пушкину. Стихотворения же последнего в позднейшие годы сохранились и записывались — будь то подлинные его произведения или только приписанные ему. Случайность могла не сохранить нам ни одной политической эпиграммы с именем Илличевского, Дельвига, Корсакова и иных лицейских поэтов, исключая Пушкина; но из того, что они не дошли до нас, не следует, что их не было совсем. Наконец, степень общественного развития и политические взгляды Пушкина и его товарищей не могут служить достаточно твердым основанием потому, что мы слишком мало их знаем: фигура Пушкина с его рано сложившимся и резко проявившимся в те годы политическим свободомыслием заслоняет для нас общий фон, на котором он развивался. А фон этот был достаточно проникнут

¹⁾ К. Я. Грот. Пушкинский Лицей, стр. 45.

новой идеологией, чтобы любой из его товарищей, даже очень далекий от идейной жизни тогдашнего общества, мог создать политическую эпиграмму.

Итак, нет возможности определить автора эпиграммы, основываясь на ее содержании, на ее идейном значении. Но и рассмотрение текста со стороны формы не дает никаких указаний. Легкий и гладкий стих обличает в авторе значительное умение и привычку владеть эпиграмматической формой. Но ведь и другие лицейские поэты владели ей в большей или меньшей степени; эпиграмма была всем знакома и отливалась в некоторый шаблон. Негде было в ней проявиться достаточно индивидуальности автора, особенно в те ранние годы, а большая краткость текста не дает подметить особенностей орфографии, синтаксиса или индивидуальных поэтических приемов. И нужно признать вопрос о том, кто автор нашей эпиграммы — вопросом неразрешимым.

Но даже и так, оставаясь анонимной, она не теряет значения и интереса. Кто бы ее ни написал, она является единственной среди лицейских стихотворений. И по ней, по этому беглому штриху, мы можем видеть, как рано проникали в Лицей, сквозь его патриотическую и верноподданническую оболочку, влияния новых идей, бродивших в обществе, и их отражение — подпольная политическая сатира. Связи с кругами свободомыслящей молодежи становятся для нее крепче и осязательнее, тем более, что продуктом их является одна, из лучших эпиграмм среди лицейских «антологических пьес».

Н. Измайлов.

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922